

Темиркулов О.Ж.^{1*} , Сергазин Е.Ф.¹ , Дюсембекова М.К.¹ , Искаков Е.Р.²

¹Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, г.Астана, Казахстан

²Карагандинский университет имени академика Е.А. Букетова, г.Караганда, Казахстан

* e-mail: temirkulov79@gmail.com

МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОЕ СОГЛАСИЕ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЕДИНОЙ НАЦИИ В КАЗАХСТАНЕ

Аннотация

В статье рассматривается религиозная политика Республики Казахстан как стратегический инструмент формирования единой нации и обеспечения межконфессионального согласия. Исследование охватывает нормативно-правовые, институциональные и идеологические механизмы, направленные на поддержку светского характера государства, защиту прав верующих и противодействие религиозному экстремизму. На основе комплексного анализа нормативных актов, международных оценок и социологических данных проведен SWOT-анализ религиозной политики. Показаны сильные стороны модели – толерантность, институционализированный диалог, а также уязвимости, включая строгие регистрационные требования и ограничения на миссионерскую деятельность. Отмечается необходимость модернизации законодательства, развития просветительских программ и расширения диалога между государством и религиозными объединениями. Работа опирается на казахстанский контекст, с опосредованным привлечением международного опыта. Практическая значимость исследования заключается в выработке рекомендаций для совершенствования государственной религиозной политики, направленных на укрепление стабильности, правового равенства и национального единства.

Ключевые слова: межконфессиональное согласие; религиозная политика Казахстана; светское государство; правовое регулирование религиозной деятельности; миссионерская деятельность; регистрация религиозных объединений; религиозный экстремизм; национальная идентичность.

О.Ж. Темірқұлов^{1*}, Е.Ф. Серғазин¹, М.К. Дүйсембекова¹, Е.Р. Искаков²

¹Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана қ., Қазақстан

²Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды университеті, Қарағанды қ., Қазақстан

* e-mail: temirkulov79@gmail.com

ҚАЗАҚСТАНДА БІРТҰТАС ҰЛТ ҚАЛЫПТАСТЫРУДАҒЫ КОНФЕССИЯАРАЛЫҚ КЕЛІСІМНІҢ РӨЛІ

Аңдатпа

Бұл мақалада Қазақстан Республикасындағы діни саясаттың бірыңғай ұлтты қалыптастыру мен конфессияаралық келісімді қамтамасыз етудегі рөлі талданады. Зерттеу барысында мемлекеттің зайырлылығы, діни сенім бостандығы және экстремизмге қарсы әрекет ету тетіктері нормативтік-құқықтық, институционалдық және идеологиялық тұрғыдан қарастырылады. Заңнамалар, халықаралық ұйымдардың баяндамалары және социологиялық деректер негізінде SWOT-талдау жүргізілді. Қазақстандық модельдің күшейтілген жағы – конфессияаралық диалог пен толеранттылық деңгейінің жоғары болуы, әлсіз тұстары – діни ұйымдарды тіркеудегі күрделілік пен миссионерлік қызметке шектеулер. Заңнаманы жаңарту, ағартушылық бағдарламаларды дамыту және діни бірлестіктермен диалогты кеңейту қажеттілігі атап өтіледі. Зерттеу тек қазақстандық тәжірибеге сүйеніп, халықаралық тәжірибе

тек жанама түрде қарастырылады. Мақаланың практикалық маңызы – зайырлы мемлекет саясатын жетілдіруге бағытталған ұсыныстар әзірлеу.

Түйін сөздер: Конфессияаралық келісім; Қазақстанның діни саясаты; зайырлы мемлекет; діни қызметті құқықтық реттеу; миссионерлік қызмет; діни бірлестіктерді тіркеу; діни экстремизм; ұлттық бірегейлік.

O.Zh. Temirkulov^{1*}, E.F. Sergazin¹, M.K. Dyusembekova¹, Y.R. Iskakov²

¹*L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan*

²*E.A. Buketov Karaganda University, Karaganda, Kazakhstan*

**e-mail: temirkulov79@gmail.com*

INTERFAITH HARMONY AS A FACTOR IN BUILDING A UNIFIED NATION IN KAZAKHSTAN

Abstract

This article explores the religious policy of the Republic of Kazakhstan as a strategic factor in fostering interfaith harmony and building a unified nation. The research analyzes the legal, institutional, and ideological mechanisms designed to uphold secularism, protect believers' rights, and counter religious extremism. Based on legal texts, international reports, and sociological data, a SWOT analysis of Kazakhstan's religious policy is conducted. The findings highlight the strengths of the model—such as institutionalized dialogue and societal tolerance—alongside challenges like strict registration requirements and limited missionary freedoms. The study underscores the need to modernize legislation, enhance educational efforts, and deepen cooperation between state and religious communities. While focusing on the national context, the research references international standards. Its practical value lies in offering recommendations for improving religious governance and promoting legal equality, social stability, and national cohesion.

Keywords: interfaith harmony; religious policy of Kazakhstan; secular state; legal regulation of religious activity; missionary activity; registration of religious organizations; religious extremism; national identity.

ВВЕДЕНИЕ

В условиях постсоветской трансформации и современных глобальных вызовов формирование единой гражданской нации является ключевой стратегической задачей для многонационального и многоконфессионального Казахстана. В этом сложном и многогранном процессе религия играет особую, двойственную роль. С одной стороны, она выступает мощной силой социальной интеграции, формируя общие культурные и нравственные ценности. С другой – может стать источником общественных разломов, особенно в контексте роста радикализма и политизации религиозных различий. Настоящее исследование исходит из центрального тезиса о том, что межконфессиональное согласие является не просто желательным социальным состоянием, необходимым условием для успешного национального строительства. Соответственно, государственная религиозная политика анализируется как важнейший инструмент, от эффективности которого напрямую зависит будущее казахстанской нации.

В рамках данной работы проводится комплексный анализ религиозной политики Республики Казахстан с целью оценить её архитектуру и результативность. Исследование охватывает её нормативно-правовую, институциональную и идеологическую основы, позволяя выявить как сильные стороны существующей модели, так и её уязвимости. Особое внимание уделяется тому, как государство стремится обеспечить сложный баланс между тремя ключевыми императивами: гарантией фундаментальных прав граждан на свободу вероисповедания, поддержанием общественной безопасности и противодействием экстремизму, а также укреплением светских принципов государственного устройства.

Для достижения этой цели в работе проверяется гипотеза о достаточности существующих правовых механизмов и эффективности государственного диалога с религиозными объединениями в условиях современных внутренних и внешних вызовов. Теоретическая значимость исследования заключается в систематизации подходов к религиозной политике как инструменту нациестроительства, что вносит вклад в более широкую научную дискуссию о моделях развития постсоветских государств. Практическая же значимость состоит в формулировании конкретных рекомендаций для государственных органов и институтов гражданского общества. Эти предложения направлены на модернизацию законодательства и совершенствование правоприменительной практики с целью дальнейшего укрепления социальной стабильности и национального единства в Казахстане.

Обзор литературы

Проблематика межконфессионального согласия как фактора формирования единой нации в Казахстане изучается на пересечении политологии, религиоведения и социологии. При этом в существующих исследованиях сохраняются пробелы, связанные с анализом конкретной государственной политики в условиях постсоветской многоконфессиональности.

Классические теории секуляризации (П.Бергер, Т.Лукман) описывают снижение влияния религии, но мало применимы к казахстанскому контексту, где религиозность возрождается. Современные концепции Ю.Хабермаса и Х.Казановы, напротив, фиксируют возвращение религии в публичное пространство – подход, близкий казахстанской модели, сочетающей светскость с поддержкой межконфессионального диалога.

Теории нациестроительства (Э.Геллнер, Б.Андерсон, Э.Смит) подчёркивают роль культуры и религии в формировании идентичности, но не раскрывают влияние государственной религиозной политики на процессы гражданской консолидации. Данный аспект восполняется в нашей статье.

Мультикультуралистские подходы (У. Кимлика) актуализируют ценность правового равенства и диалога. Однако в казахстанской практике эти принципы сталкиваются с регуляторными ограничениями – например, в сфере регистрации религиозных объединений и миссионерской деятельности, что также стало предметом нашего анализа.

Работы М.Гопина и Л.Свидлера подчеркивают двойственную природу межрелигиозного диалога: он способствует доверию, но может формализоваться. Наша статья рассматривает этот процесс в казахстанском контексте на институциональном уровне.

Критика, выраженная правозащитными организациями и авторами (Г.Жевлаков, И.А.Тарасевич), указывает на проблемы избыточного контроля в религиозной сфере. Мы систематизировали эти выводы и дополнили их данными SWOT-анализа и актуальных исследований.

Таким образом, данное исследование восполняет дефицит комплексных работ о религиозной политике как инструменте укрепления межконфессионального согласия и единой гражданской идентичности в Казахстане.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Методологическую основу настоящего исследования составил комплексный подход, сочетающий несколько аналитических методов, обусловленных спецификой исследуемого объекта – религиозной политики Республики Казахстан и её влияния на процессы формирования национального единства.

Для всестороннего изучения казахстанского контекста были применены следующие методы:

- Институционально-правовой анализ, направленный на изучение нормативной базы религиозной политики. Анализ охватывал Конституцию, профильные законы, подзаконные акты и международные договоры, регулирующие свободу совести.

- Анализ эмпирических социологических данных, включая результаты общенациональных опросов и исследований, что позволило оценить реальный уровень религиозности, характер межконфессиональных отношений и общественное восприятие государственной политики.

- Контент-анализ официальных отчетов международных правительственных и неправительственных организаций (ОБСЕ, Госдепартамент США, Freedom House, Amnesty International), позволивший выявить ключевые оценки и рекомендации в адрес Казахстана.

- Историко-аналитический метод, который применялся для осмысления трансформации государственно-конфессиональных отношений от советского периода до современности.

Для комплексного обобщения и структурирования полученных данных был использован SWOT-анализ. Этот метод позволил систематизировать сильные и слабые стороны религиозной политики, а также внешние возможности и угрозы, основываясь на результатах правового анализа, социологических исследований и международной критики.

При этом авторы сознательно установили ограничение, отказавшись от развернутого, прикладного сравнительного анализа зарубежных правовых систем и практик. Такой подход был выбран для максимальной концентрации на глубоком изучении казахстанской модели в соответствии с первоначальным исследовательским замыслом.

Вместе с тем, для теоретического осмысления и точной классификации казахстанской модели были использованы элементы сравнительного анализа на основе типологии Т.Модуда и Т.Сили. Данный метод применялся не для заимствования зарубежного опыта, а как концептуальная рамка, позволившая позиционировать казахстанский подход относительно других режимов управления религиозным разнообразием (например, во Франции, Турции, Малайзии). Таким образом, сравнительный анализ выполнял в работе строго теоретико-классификационную, а не прикладную функцию.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 2011 года – времени принятия действующего закона «О религиозной деятельности и религиозных объединениях» – по начало 2025 года.

Государственная религиозная политика Казахстана основывается на стремлении к балансу между обеспечением свободы вероисповедания и необходимостью поддержания общественной безопасности. Центральными правовыми инструментами выступают Конституция Республики Казахстан и Закон «О религиозной деятельности и религиозных объединениях», закрепляющие принципы светскости, равенства религий и свободы совести. В рамках этой политики активно развиваются механизмы межконфессионального диалога, включая Съезд лидеров мировых и традиционных религий и Ассамблею народа Казахстана, что способствует укреплению общественной стабильности и религиозной толерантности.

В то же время сохраняются актуальные вызовы, среди которых – жёсткие требования к регистрации религиозных объединений, ограничения на миссионерскую деятельность и необходимость модернизации антиэкстремистских мер. Эффективность государственной политики может быть повышена за счёт совершенствования законодательства, развития образовательных и просветительских программ, а также усиления диалога между государством и религиозными организациями. На этих положениях базируется последующая аргументация статьи, направленная на оценку религиозной политики Казахстана как инструмента формирования единой нации.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В Казахстане сформирована многоуровневая законодательная база, регулирующая религиозную сферу. Основопологающим документом является Конституция Республики Казахстан (1995 г.), которая гарантирует каждому право на свободу совести (ст. 22), провозглашает государство светским (ст. 1) и запрещает дискриминацию по религиозному

признаку (ст. 14) [1]. Ключевым нормативным актом, определяющим правовой статус и порядок функционирования религиозных организаций в Республике Казахстан, является Закон «О религиозной деятельности и религиозных объединениях» от 2011 года. В его преамбуле подчёркивается признание исторической роли ислама ханафитского мазхаба и православного христианства в развитии культуры и духовной жизни народа Казахстана. Закон регулирует основные аспекты религиозной сферы, включая создание, государственную регистрацию, реорганизацию и ликвидацию религиозных объединений, а также их миссионерскую деятельность и вопросы религиозного образования. В соответствии со статьей 3 закреплены фундаментальные принципы государственной религиозной политики: светский характер государства, равенство всех религиозных объединений перед законом, свобода совести и невмешательство государства в законную деятельность религиозных организаций [2]. Вопросы противодействия религиозному экстремизму регламентируются специальным Законом РК «О противодействии экстремизму» (2005 г.) [3]. Ответственность за правонарушения в религиозной сфере, включая такие серьезные преступления, как разжигание религиозной розни и создание или руководство экстремистскими организациями, предусмотрена Уголовным кодексом РК (ст. 174, 405) [4]. Административные правонарушения, связанные с религиозной деятельностью, такие как проведение незарегистрированных религиозных мероприятий или незаконная миссионерская деятельность, рассматриваются в Кодексе РК об административных правонарушениях (ст. 488, 490) [5]. Аспекты, касающиеся религиозной сферы, также затрагиваются в Законе РК «О национальной безопасности» (2012 г.) [6] и Законе РК «О масс-медиа», который, в частности, запрещает пропаганду, направленную на разжигание религиозной розни [7]. Казахстан является участником ключевых международных договоров в области прав человека, ратифицировав Всеобщую декларацию прав человека (1948 г.) [8] и Международный пакт о гражданских и политических правах (1966 г.) [9], закрепляющие право на свободу мысли, совести и религии. Реализация государственной политики в религиозной сфере осуществляется через программные документы, такие как «Концепция государственной политики в религиозной сфере» (утверждалась на периоды 2017-2020 гг. и впоследствии на 2021-2025 гг.) и соответствующие «Комплексные планы по её реализации» [10]. Важными институциональными механизмами развития межконфессионального диалога являются Съезд лидеров мировых и традиционных религий, проводимый в Астане с 2003 года, и Ассамблея народа Казахстана (АНК). На местном уровне функционируют религиозные советы, общественные объединения и Клубы руководителей религиозных объединений при акиматах. В системе образования внедрен школьный курс «Основы религиоведения», а государство оказывает поддержку в реставрации и строительстве культовых сооружений.

Практика государственного регулирования религиозной деятельности в Казахстане характеризуется наличием жестких требований к процедуре регистрации религиозных объединений. Осуществляется контроль за миссионерской деятельностью, для ведения которой требуется специальное разрешение, и за распространением религиозной литературы. В государственных общеобразовательных школах преподавание религиозных дисциплин запрещено, за исключением светского курса «Основы религиоведения». В Казахстане вопросы религиозного воспитания и проявления религиозной идентичности в публичном пространстве находятся в фокусе общественного внимания и государственного регулирования. Так, внеурочное религиозное обучение детей и подростков допускается только в официально зарегистрированных религиозных объединениях и при наличии согласия родителей, в то время как запрет на ношение религиозной одежды в школах продолжает вызывать общественную критику и дискуссии. Значимость этих регуляторных мер и общественных дебатов особенно возрастает в контексте данных социологических исследований 2024 года, которые показывают, что подавляющее большинство молодых граждан, а именно 78,3%, идентифицируют себя как верующие [11, с. 42]. Степень и характер религиозности молодежи варьируются. Наиболее многочисленной группой среди верующих (43,6% от общего числа

опрошенных) являются те, кто определяет свою веру как личное убеждение, не подкрепленное активным участием в религиозной жизни и обрядах. Значительная доля молодежи (18,0%) связывает свою религиозную принадлежность с эпизодическим участием в культовых практиках, преимущественно во время религиозных праздников, что может указывать на культурно-традиционный аспект их веры. При этом лишь 16,7% молодых людей демонстрируют глубокую и последовательную приверженность канонам своей религии, активно соблюдая все предписания. [11, с. 42-43]. Таким образом, религиозный ландшафт казахстанской молодежи характеризуется высоким уровнем общей религиозной самоидентификации, но с преобладанием форм веры, которые не всегда предполагают активную и регулярную религиозную практику.

Несмотря на высокий уровень общей религиозности и преобладание умеренных форм ее проявления, экспертные оценки, полученные в ходе того же социологического исследования, указывают на существующие риски, связанные с потенциальной уязвимостью молодежи перед деструктивными идеологиями. Эксперты отмечают, что недостаток жизненного опыта и знаний может делать молодых людей восприимчивыми к влиянию деструктивных религиозных течений [11, с. 83]. В этом контексте подчеркивается критическая важность целенаправленной идеологической работы, направленной не только на передачу конструктивных ценностей, но и на активное формирование у молодежи критического мышления и способности анализировать сложную информацию, поступающую из многообразного современного медиапространства [11, с. 99]. Развитие у молодых граждан навыков осознанного выбора и медиаграмотности рассматривается как универсальный инструмент противодействия любым деструктивным идеологиям, включая те, что могут прикрываться религиозными лозунгами, и как важный фактор укрепления межконфессионального согласия и единства нации.

Анализ законодательства Республики Казахстан о регистрации религиозных объединений выявляет неоднозначную оценку его эффективности и соответствия современным реалиям со стороны экспертного сообщества. Как отмечает Г.А. Жевлаков, институт обязательной регистрации, введенный в Казахстане, несмотря на его распространенность, «присущ далеко не каждому государству» [12, с. 86], а в ряде стран регистрация как таковая и вовсе отсутствует. Более того, в Казахстане, помимо обязательного характера регистрации, установлена «довольно ощутимая административная ответственность за нарушение этих требований» [12, с. 86]. Критическому осмыслению подвергаются и сами процедуры регистрации, особенно при сравнении с практикой других стран, например, Российской Федерации, где, по мнению автора, «введены только два статуса: местные и централизованные религиозные организации», в отличие от более сложной трехуровневой системы в Казахстане, которую он характеризует как «заведомо обременительную и сложно выполнимую» [12, с. 88]. Эту точку зрения разделяют и международные наблюдатели; так, Жевлаков ссылается на правозащитника Евгения Жовтиса, который утверждает, что любая регистрация, фактически являющаяся лицензированием, «это нарушение международных стандартов» [12, с. 91]. Хотя автор признает, что ужесточение законодательства в 2011 году было в какой-то мере реакцией государства на угрозы безопасности, он также отмечает, что оно могло быть осуществлено «где-то с чрезмерной жесткостью и безапелляционностью» [12, с. 91]. Несмотря на недавние положительные изменения, упростившие некоторые аспекты регистрации, Жевлаков заключает, что «в целом государство до сих пор упорно отстаивает свои подходы к вопросам регистрации религиозных организаций, противоречащие формально, а где-то и по существу, конституционным и международным нормам» [12, с. 92].

Международные правозащитные организации (включая Amnesty International [13], Freedom House [14] и официальные структуры (ОБСЕ [15], Государственный департамент США [16]), а также Специальный докладчик ООН по вопросу о свободе религии или убеждений [17] в своих отчетах и заявлениях выражают обеспокоенность рядом аспектов религиозной политики Казахстана. В своих предварительных выводах по итогам визита в

Казахстан в 2014 году Специальный докладчик ООН по вопросу о свободе религии или убеждений Хайнер Билефельдт отметил исторически сложившийся религиозный плюрализм и в целом положительный характер межрелигиозных отношений в стране, высоко оценив стремление Казахстана выступать мостом между цивилизациями и его приверженность межрелигиозному диалогу. Однако, наряду с признанием светского характера государства и усилий по содействию гармонии, докладчик выразил обеспокоенность рядом аспектов, в частности, чрезмерным упором на соображения стабильности и безопасности, что, по его мнению, иногда приводит к необоснованному ограничению прав человека, включая свободу религии. Особую критику вызвал Закон 2011 года «О религиозной деятельности и религиозных объединениях» из-за обязательного характера регистрации, высоких порогов для ее прохождения (особенно для общенационального статуса), нечеткого определения и избыточного регулирования миссионерской деятельности, а также контроля над ввозом и распространением религиозной литературы.

Билефельдт указал на проблемы, с которыми сталкиваются так называемые «нетрадиционные» и малочисленные религиозные общины, включая подозрительность в обществе и сложности в осуществлении своей деятельности. Также была отмечена обеспокоенность по поводу широкой трактовки уголовных статей, касающихся разжигания розни, что создает риски для свободы слова и вероисповедания. Несмотря на позитивные образовательные инициативы в сфере религиоведения, специальный докладчик рекомендовал дальнейшее совершенствование законодательства и практики для обеспечения подлинной свободы религии или убеждений для всех, снижения избыточного государственного контроля и укрепления верховенства права как основы для борьбы с экстремизмом и построения доверительных отношений между государством и всеми религиозными и нерелигиозными группами. [17]. Одним из серьезных вызовов является ограничение свободы собраний [14]. Это может выражаться в необходимости получения предварительных разрешений на проведение религиозных мероприятий, особенно публичного характера, или в установлении необоснованных ограничений на места их проведения, что затрудняет совместное исповедание веры и проведение коллективных обрядов.

Также отмечаются многочисленные случаи административного давления [16]. Сюда относятся усиленный и порой избыточный мониторинг деятельности религиозных объединений со стороны государственных органов, что создает атмосферу подозрительности; наложение непропорциональных штрафов за формальные или незначительные нарушения, которые могут быть истолкованы как предвзятые; а также временное приостановление деятельности организаций, что серьезно затрудняет их функционирование и служение своим общинам.

Кроме того, имеются свидетельства об арестах и задержаниях отдельных верующих по религиозным мотивам [13]. Зачастую такие действия властей связаны с обвинениями в участии в деятельности незарегистрированных религиозных групп, распространении религиозных материалов, признанных экстремистскими, или в публичном выражении убеждений, которые могут быть истолкованы как идущие вразрез с установленными нормами или представляющие угрозу общественному порядку. Отмечается несоответствие отдельных положений казахстанского законодательства, например, требования обязательного разрешения на миссионерскую деятельность и ограничения на ввоз и распространение религиозной литературы, международным стандартам в области свободы вероисповедания [18]. Также сообщается о трудностях, с которыми сталкиваются некоторые религиозные группы, особенно те, которые власти относят к «нетрадиционным» или которые являются малочисленными, при официальной регистрации и получении разрешений на строительство культовых сооружений [15]. Кроме того, имеются свидетельства о давлении на отдельных верующих с целью отказа от их убеждений или ограничения публичного их выражения.

Государственные программы по противодействию религиозному экстремизму (например, на период 2018-2022 гг.) оцениваются рядом экспертов как недостаточно

эффективные [16]. Эти оценки важны в контексте религиозного состава населения страны, где, согласно данным национальной переписи 2021 года [19], 76,97% населения Казахстана относят себя к последователям ислама. Христианство исповедуют 11,82% населения, из них подавляющее большинство (11,66% от общего числа населения) составляют православные, 0,14% – католики, 0,02% – протестанты. К последователям иудаизма себя относят 0,01% населения, буддизма – 0,04%. Принадлежность к другим религиозным течениям указали 0,07% населения. Не указали свою религиозную принадлежность 9,71% респондентов, а 1,38% населения идентифицируют себя как атеисты.

Анализ религиозной структуры населения Казахстана, представленный на рисунке, демонстрирует доминирование ислама (76,97%) и православия (11,66%), при этом значительная доля респондентов (9,71%) не указала свою религиозную принадлежность. Многообразие религиозных конфессий, несмотря на их малую численность, отражает сложную религиозную картину страны. Учитывая выявленные особенности религиозного состава и значимость религиозной идентичности для социально-политической стабильности, целесообразно провести SWOT-анализ, позволяющий системно оценить сильные и слабые стороны, а также внешние возможности и угрозы, связанные с религиозной ситуацией в Казахстане. Данная структурированная оценка послужит основой для разработки стратегических рекомендаций в сфере межрелигиозного диалога и государственной политики.

Сильные стороны (Strengths)	Слабые стороны (Weaknesses)
Светский характер государства, обеспечивающий равенство всех конфессий.	Жёсткие требования к регистрации религиозных организаций.

Активный межконфессиональный диалог (Съезд лидеров мировых и традиционных религий, Ассамблея народа Казахстана).	Ограничения на миссионерскую деятельность, требование обязательного разрешения.
Законодательная база, обеспечивающая баланс между религиозной свободой и безопасностью.	Запрет на преподавание религиозных дисциплин в государственных школах.
Программы по противодействию экстремизму и радикализации.	Контроль за распространением религиозной литературы, вызывающий критику международных организаций.
Высокий уровень религиозной толерантности в обществе.	
Возможности (Opportunities)	Угрозы (Threats)
Либерализация законодательства (упрощение регистрации, пересмотр ограничений).	Риск радикализации и роста религиозного экстремизма среди молодежи.
Развитие религиозно-педагогического образования для повышения грамотности населения.	Возможные межконфессиональные конфликты и социальная напряженность.
Расширение международного сотрудничества в области религиозной политики.	Международная критика из-за ограничений свободы вероисповедания.
Создание новых платформ для диалога между религиозными общинами и государством.	Маргинализация религиозных групп из-за строгого контроля их деятельности.

Проведенный SWOT-анализ позволил систематизировать ключевые внутренние факторы (сильные и слабые стороны) и внешние факторы (возможности и угрозы), оказывающие влияние на государственную политику в религиозной сфере. Выявленные сильные стороны, такие как светский характер государства и активный межконфессиональный диалог, создают основу для стабильности. Однако слабые стороны, включая жёсткие регистрационные требования и ограничения на миссионерскую деятельность, могут создавать напряженность и вызывать критику. Возможности для улучшения ситуации лежат в области либерализации законодательства и развития образования, в то время как основными угрозами остаются риски радикализации и международной критики.

ОБСУЖДЕНИЕ

Религиозная политика Казахстана претерпела значительные изменения в XX и XXI веках. В советский период преобладала политика воинствующего атеизма, направленная на искоренение религии из общественной жизни, что сопровождалось репрессиями, закрытием религиозных учреждений и запретом религиозного образования [18]. Однако во время и после Второй мировой войны государственная политика несколько смягчилась, позволив ограниченную деятельность некоторых конфессий.

После распада СССР Казахстан закрепил принципы свободы совести и светскости в Конституции (1995 г.), где «каждый имеет право на свободу совести» (ст. 22), а государство провозглашается «демократическим, светским, правовым и социальным» (ст. 1) [1]. Это способствовало возрождению традиционных религий (ислама и православия) и появлению новых религиозных движений.

Для регулирования религиозной деятельности и предотвращения экстремистских угроз был принят Закон «О религиозной деятельности и религиозных объединениях» (2011 г.), устанавливающий порядок регистрации и функционирования религиозных организаций [2]. Несмотря на провозглашенные принципы свободы вероисповедания, данный закон вводит строгие требования к религиозным объединениям, что вызывает критику со стороны правозащитных организаций.

Государство проводит активную политику межконфессионального согласия, что отражается в таких инициативах, как Съезд лидеров мировых и традиционных религий и Ассамблея народа Казахстана. Важную роль в реализации религиозной политики играют «Концепция государственной политики в религиозной сфере» и «Комплексный план по её реализации», направленные на укрепление толерантности и противодействие радикализации [10].

Анализ религиозной политики Казахстана выявляет сложную динамику взаимодействия между государством, религиозными институтами и обществом, направленную на формирование единой нации в условиях многоконфессиональности. Государственная стратегия в этой сфере, как показывают результаты исследования, ориентирована на поддержание светского характера государственного устройства, обеспечение межконфессионального согласия и активное противодействие проявлениям религиозного экстремизма. Эта триединая задача находит свое отражение в комплексе законодательных актов, включая основополагающий Закон «О религиозной деятельности и религиозных объединениях» [2] и специализированный Закон «О противодействии экстремизму» [3], а также через деятельность таких ключевых институтов, как Ассамблея народа Казахстана [21] и Съезд лидеров мировых и традиционных религий [10]. Заявления высшего руководства страны, в частности Президента К.Ж. Токаева, последовательно подчеркивают приверженность этому курсу, указывая на необходимость постоянного поиска баланса между гарантированной Конституцией свободой вероисповедания и обеспечением общественного порядка и национальной безопасности, что, в свою очередь, предполагает адаптацию законодательной базы к изменяющимся реалиям и четкое ограничение деятельности деструктивных религиозных течений [20].

Высокий уровень религиозной толерантности, являющийся одной из сильных сторон казахстанской модели, находит свое прямое эмпирическое подтверждение в данных социологических исследований. Так, согласно работе Е.Е. Буровой и Ш.Е. Джаманбалаевой (2020 г.), подавляющее большинство жителей (89.3%) воспринимают Казахстан многоконфессиональной страной, что указывает на укорененность этого факта как социальной нормы. Более того, тот факт, что свыше половины населения (51.3%) видят в религиозном разнообразии фактор, способствующий единству, позволяет сделать вывод о том, что толерантность в обществе носит не пассивный, а конструктивный характер [21, с.78].

Однако фундаментом этой социальной стабильности является не столько догматическое единство, сколько специфический, «культурный» характер религиозности населения. Это убедительно демонстрирует кажущееся противоречие, выявленное в социологическом исследовании 2023 года: при высоком уровне религиозной самоидентификации граждан (86.8%), их реальная вовлеченность в институциональные практики остается умеренной. Особенно показательно, что уровень прямого доверия к религиозным институтам как к источнику помощи в трудных жизненных ситуациях составляет всего 4,3% [22, с. 45]. Этот значительный разрыв между личной верой и институциональным доверием служит прямым доказательством тезиса о том, что для большинства казахстанцев религия воспринимается скорее как неотъемлемая часть культурной идентичности и семейной традиции, а не как

строгая идеологическая система. Именно такая «секуляризованная религиозность» существенно снижает потенциал для межконфессиональных трений и создает благоприятную почву для формирования единой гражданской нации.

В то же время, этот в целом стабильный ландшафт усложняется новыми вызовами, требующими пристального внимания. Во-первых, экспертные оценки фиксируют рост популярности нетрадиционных религиозных течений среди молодежи, что сигнализирует о социальных запросах, на которые традиционные институты не всегда отвечают, и требует от государства проактивной информационно-разъяснительной работы. Во-вторых, анализ выявляет парадоксальную роль цифровизации. С одной стороны, интернет-платформы стали для молодежи доминирующим источником информации о религии [22, с. 39]. С другой, именно онлайн-пространство респонденты называют основной ареной, где они сталкиваются с ущемлением своих прав и оскорблениями [22, с. 38]. Этот дуализм превращает онлайн-среду в ключевую сферу, где межконфессиональное согласие одновременно и формируется, и подвергается наиболее серьезным испытаниям.

В совокупности эти тенденции формируют то, что можно определить как специфическую казахстанскую модель национального единства. Социологические данные подтверждают ее ключевую характеристику: высокий уровень общественно-гражданской интеграции (готовность жить и работать вместе) при сохранении четких границ в частной, этнокультурной сфере (нежелание вступать в межрелигиозные браки) [22, с. 57]. Именно такой баланс между общественным единством и личным разнообразием, подкрепленный поддержкой светского курса, является ключевым фактором устойчивости казахстанского общества. Легитимность и долгосрочная успешность этой модели, однако, зависят не только от внутренней поддержки, но и от ее соответствия международным правовым стандартам.

Несмотря на декларируемую приверженность международным стандартам и ратификацию Казахстаном ключевых международных договоров в области прав человека, включая Всеобщую декларацию прав человека [8] и Международный пакт о гражданских и политических правах [9], практика государственного регулирования религиозной сферы продолжает вызывать критику со стороны международных правозащитных организаций и экспертных структур.

Особую обеспокоенность вызывает ряд положений национального законодательства, которые, по мнению наблюдателей, не соответствуют международным стандартам свободы вероисповедания. В частности, подчёркиваются чрезмерно строгие требования к регистрации религиозных объединений, что существенно затрудняет их официальное признание и полноценную деятельность [18]. Также значительные ограничения касаются миссионерской деятельности, осуществление которой требует обязательного получения разрешения от государственных органов. По оценке экспертов ОБСЕ, такие нормы могут рассматриваться как препятствующие свободному распространению религиозных убеждений [15].

Дополнительную критику вызывает усиленный контроль за ввозом, изданием и распространением религиозной литературы. Это включает обязательное прохождение религиозоведческой экспертизы и возможную конфискацию материалов, не получивших соответствующего одобрения [17]. Хотя такие меры объясняются необходимостью обеспечения общественной безопасности и борьбы с экстремизмом, они нередко воспринимаются как ограничение фундаментальных прав человека.

Указанные аспекты религиозной политики неоднократно становились предметом критики в докладах Amnesty International [13], Государственного департамента США [16] и Freedom House [14], где подчеркивается, что подобные положения законодательства могут носить репрессивный характер в отношении представителей малых и «нетрадиционных» религиозных общин.

Таким образом, с точки зрения международных наблюдателей, религиозная политика Казахстана требует модернизации, направленной на устранение избыточных ограничений и приведение национального законодательства в соответствие с универсальными нормами, регулирующими свободу совести и вероисповедания [18].

Данное обстоятельство нашло отражение в SWOT-анализе как одна из ключевых угроз – риск усиления международной критики, что может негативно сказаться на имидже страны. Таким образом, формируется определенное напряжение между заявленными государством целями по соблюдению международных обязательств и сложившейся практикой правоприменения в религиозной сфере.

SWOT-анализ религиозной политики Казахстана проведенный нами рельефно выявляет внутренние противоречия и диалектический характер модели государственно-конфессиональных отношений. С одной стороны, среди неоспоримых сильных сторон – активный и институционализированный межконфессиональный диалог, высокий уровень общественной толерантности. С другой – сохраняются слабые стороны, в том числе жесткий регуляторный режим, который, несмотря на легитимные цели противодействия экстремизму и обеспечения национальной безопасности, создает барьеры для деятельности мирных религиозных объединений, особенно тех, что классифицируются как «нетрадиционные» или «деструктивные» [12, с.93]. Это ведет к риску маргинализации таких групп и сужению пространства для свободного выражения религиозных убеждений – факторов, обозначенных как угрозы в рамках SWOT-анализа.

Кроме того, эффективность государственных программ по противодействию религиозному экстремизму оценивается рядом экспертов как недостаточная [12, С.10], что указывает на необходимость их критического пересмотра и адаптации к современным вызовам.

В целях совершенствования религиозной политики и укрепления общественной гармонии требуется реализация комплекса системных мер. В числе приоритетных направлений, обозначенных в SWOT-анализе, – поэтапная либерализация законодательства о религиозной деятельности. Это предполагает упрощение процедур регистрации религиозных объединений, смягчение ограничений на выражение убеждений и миссионерскую деятельность при сохранении эффективных механизмов противодействия экстремизму. Уточнение правовых формулировок с целью устранения двусмысленностей будет способствовать повышению правовой определенности и снижению международной критики.

Важным направлением становится развитие системы религиозоведческого образования и просветительских инициатив, направленных на повышение религиозной грамотности, формирование культуры уважения к различным мировоззрениям, снижение уровня ксенофобии и предрассудков [14]. Перспективные векторы развития религиозной политики в Казахстане включают расширение межконфессионального диалога с вовлечением гражданского общества, научного сообщества и религиозных объединений, а также активизацию международного сотрудничества для заимствования передовых практик. Подтверждением движения в этих направлениях служит заметное участие представителей государственных органов Республики Казахстан в диалоговых форматах, посвященных свободе вероисповедания. Эта открытость, наряду с декларируемой приверженностью реформам, формирует конструктивную основу для деятельности таких международных неправительственных организаций, как LYNC (Love Your Neighbor Community) – американской структуры, специализирующейся на содействии религиозной свободе посредством развития диалоговых платформ и применения реляционных подходов. Примечательно, что на круглом столе «Построение стратегического партнёрства для укрепления свободы вероисповедания», состоявшемся в г. Астана в феврале 2020 года, вице-министр информации и общественного развития РК Марат Азильханов заявил о «кропотливой работе в министерстве по выработке механизмов для процесса имплементации рекомендаций международных организаций» [23]. Это заявление коррелирует с практическими результатами, достигаемыми LYNC, президент которой Уэйд Кусак отмечает: «в целом, модель LYNC создает возможность для решения многих проблем в Казахстане и продвижения свободы вероисповедания при одновременном расширении социальной сплоченности и противодействии насильственному экстремизму» [24, с. 95]. Подобная связь между

готовностью государства к имплементации международных стандартов и деятельностью НПО, предлагающих апробированные модели диалога, представляется особенно значимой. По итогам упомянутого круглого стола Александр Ключев, президент Ассоциации религиозных объединений Казахстана (АРОК), представляющей интересы различных конфессий страны, также констатировал: «Мы увидели, что в обществе сформировались хорошие условия для того, чтобы начать решать сложные вопросы государственно-конфессиональных отношений, которые копились долгие годы» [23]. Это свидетельствует о том, что сочетание политической воли, конструктивных методологий гражданского общества и международных партнеров, а также общественной готовности к диалогу способно привести к ощутимым позитивным трансформациям в религиозной сфере Казахстана. Однако для более глубокого понимания специфики казахстанской траектории необходимо рассмотреть её не только изнутри, через призму институциональных реформ и общественных настроений, но и в сравнительном измерении. В этом контексте показательна типология режимов управления религиозным разнообразием, предложенная британскими исследователями политики мультикультурализма и религиозного плюрализма Тариком Модудом и Томасом Сили.

Сравнительный анализ показывает, что Казахстан занимает промежуточное положение между различными режимами управления религиозным разнообразием, выделенными британскими исследователями политики мультикультурализма и религиозного плюрализма Тариком Модудом и Томасом Сили. По их классификации Франция представляет собой модель секуляристского этатизма, при которой, как отмечают авторы, *«государство исключает религию из политической и гражданской сфер, сводя религиозную свободу преимущественно к частному измерению»* [25, с. 765]. В отличие от французской модели, Казахстан не проводит жёсткую линию на полное отделение религии от общественной сферы. Скорее, можно утверждать, что здесь сформировался прагматический вариант умеренного секуляризма, при котором, по формулировке авторов, «религия воспринимается как общественное благо, нуждающееся в поддержке» [25, с. 766]. Это выражается в институциональном партнёрстве государства с ДУМК, в развитии межконфессиональных площадок, а также в символическом включении религиозных праздников в общенациональный календарь.

В сравнении с Турцией, отнесённой Модудом и Сили к категории религиозно-этатистского мажоритаризма, где различия проявляются в характере взаимодействия государства с религиозными институтами. По словам исследователей, в таких режимах «государство берёт под контроль религиозные институты и их последователей (например, Diyanet в Турции)» [25, с. 765]. Однако в Казахстане, в отличие от турецкой модели, ДУМК сохраняет статус общественного объединения, не интегрированного в структуру власти. Это позволяет говорить, по выражению авторов, о модели «взаимной автономии при ограниченном нейтралитете» [25, с. 766].

Сопоставление с Малайзией демонстрирует сходство в использовании символического плюрализма. Хотя в исследовании проведенном Модудом и Сили Малайзия не является центральным кейсом, авторы относят подобные модели к плюралистически ориентированному национализму, определяя их как основанные на принципах «уважения ко всем, позитивного сотрудничества и принципиальной дистанции» [25, с. 766]. Казахстан следует той же логике, но без конституционного закрепления религиозной иерархии, что позволяет говорить о «мягкой версии плюралистического национализма».

По сравнению с Узбекистаном как примером постсоветского секуляризма, ориентированного на безопасность, в котором религия допускается преимущественно как объект контроля и профилактики угроз, – казахстанская модель демонстрирует более выраженный переход к секуляризму, основанному на признании, при котором религия рассматривается как ресурс общественной стабильности [24, с. 766].

Таким образом, по логике типологии предложенной Т.Модудом и Т.Сили, Казахстан может рассматриваться как отдельный подтип – кооперативный умеренный секуляризм,

сочетающий «светский характер государства с поддержкой религии как общественного блага» [24, С. 766], но без её прямой институциональной интеграции в аппарат власти.

Этот подход позволяет проследить эволюцию религиозной политики страны и понять, как сочетание светскости и уважения к религиозным институтам формирует основу для устойчивого социального и политического развития.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование подтвердило выдвинутую гипотезу: межконфессиональное согласие является важнейшим условием консолидации общества и устойчивого формирования единой нации в Казахстане. В полиэтничной и многоконфессиональной стране, где религия играет как интегративную, так и потенциально конфликтогенную роль, религиозная политика приобретает стратегическое значение. Уникальная казахстанская модель сочетает принципы светскости, равноправия конфессий и институционализированного диалога, что находит практическое выражение в деятельности таких структур, как Ассамблея народа Казахстана и Съезд лидеров мировых и традиционных религий.

Новизна работы заключается в комплексной оценке нормативных, институциональных и общественных аспектов религиозной политики, а также в выявлении её сильных и слабых сторон с опорой на международные стандарты. Выявленные проблемы – избыточная регламентация, сложности регистрации религиозных организаций и ограничения миссионерской деятельности – указывают на необходимость системных реформ. Практическая значимость исследования состоит в разработке рекомендаций, приоритетом среди которых является упрощение административных процедур, либерализация мирной религиозной деятельности, гармонизация законодательства с международными обязательствами, а также развитие религиозно-образовательного диалога между государством и обществом.

Важно отметить, что данное исследование имеет преднамеренное ограничение: оно не ставило целью проведение всестороннего компаративного анализа с опытом других стран. Вместе с тем, включенный в работу краткий сравнительный анализ с использованием типологии Т.Модуда и Т.Сили выполняет ключевую задачу: он позволяет точно позиционировать и классифицировать казахстанскую модель в глобальном контексте. В отличие от жёсткого секуляризма Франции или религиозно-этатистского мажоритаризма Турции, модель Казахстана определяется как «кооперативный умеренный секуляризм». Этот подход, сочетающий светский характер государства с признанием религии общественным благом, но без её прямой интеграции в аппарат власти, демонстрирует уникальный путь страны. Таким образом, сравнительный анализ был использован не для заимствования чужого опыта, а для более глубокого понимания и теоретического обоснования собственной, уже сложившейся практики.

Этот вывод, в свою очередь, открывает значительные перспективы для будущих исследований. Именно глубокий сравнительный анализ, который находился за рамками данной работы, мог бы стать следующим логичным шагом. Изучение конкретных правовых и социальных механизмов, применяемых в странах со схожей поликонфессиональной структурой, позволило бы обогатить и конкретизировать предложенные рекомендации, способствуя дальнейшему совершенствованию устойчивой и гибкой модели национального единства в Казахстане.

Литература:

1. Конституция Республики Казахстан [Электронный ресурс]: принята на респ. референдуме 30 авг. 1995 г.: (с изм. и доп. по сост. на 23.03.2019). – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000> (дата обращения: 19.03.2025).
2. О религиозной деятельности и религиозных объединениях [Электронный ресурс]: Закон Республики Казахстан от 11 окт. 2011 года №483-IV. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1100000483> (дата обращения: 19.03.2025).

3. О противодействии экстремизму [Электронный ресурс]: Закон Республики Казахстан от 18 февр. 2005 г. – URL: https://kodeksy-kz.com/ka/o_protivodejstvii_ekstre_mizmu.htm (дата обращения: 19.03.2025).
4. Уголовный кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс]: Кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года №226-V ЗПК. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> (дата обращения: 19.03.2025).
5. Об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: Кодекс Республики Казахстан от 5 июля 2014 года №235-V ЗПК. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000235> (дата обращения: 19.03.2025).
6. О национальной безопасности Республики Казахстан [Электронный ресурс]: Закон Республики Казахстан от 6 янв. 2012 года №527-IV. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1200000527/z1200527.htm> (дата обращения: 19.03.2025).
7. О масс-медиа: Закон Респ. Казахстан от 19 июня 2024 г. №93-VIII ЗПК [Электронный ресурс] // Әділет. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2400000093> (дата обращения: 20.05.2025).
8. Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс]: принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 дек. 1948 г. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 19.03.2025).
9. Международный пакт о гражданских и политических правах [Электронный ресурс]: принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 дек. 1966 г. – URL: <https://www.ohchr.org/ru/instruments-mechanisms/instruments/international-covenant-civil-and-political-rights> (дата обращения: 19.03.2025).
10. Об утверждении Комплексного плана по реализации государственной политики в религиозной сфере Республики Казахстан на 2021-2023 годы [Электронный ресурс]. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P20000000953> (дата обращения: 19.03.2025).
11. Молодежь Казахстана: аналитический доклад по результатам социологического исследования / Министерство культуры и информации Республики Казахстан, Научно-исследовательский центр «Молодежь». – Астана: [б. и.], 2024. – 104 с. – ISBN 978-601-7857-64-6.
12. Жевлаков, Г.А. Анализ законодательства Республики Казахстан о регистрации религиозных объединений / Г.А. Жевлаков // Праксис. – 2023. – №4 (13). – С. 84-94. – DOI: 10.31802/PRAxis.2023.13.4.007.
13. Amnesty International. Kazakhstan: Fundamental Freedoms Under Pressure [Electronic resource]/Amnesty International. – 2019. – EUR 57/0502/2019. – URL: <https://www.amnesty.org/en/documents/eur57/0502/2019/en/> (accessed on: 19.03.2025).
14. Freedom on the Net 2024 [Electronic resource]. – URL: <https://freedomhouse.org/country/kazakhstan/freedom-net/2024> (accessed on: 19.03.2025).
15. Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ. Анализ поправок, предложенных к Закону Республики Казахстан «О свободе вероисповедания и религиозных объединениях» [Электронный ресурс]/Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ. – Варшава, Польша, 2021. – URL: www.osce.org/odihr/docs/i4_index.htm (дата обращения: 19.03.2025).
16. Казахстан: Международный доклад о свободе вероисповедания за 2022 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://kz.usembassy.gov/ru/kazakhstan-2022-international-religious-freedom-report/> (дата обращения: 19.03.2025).
17. Заявление Хайнера Билефельдта Специального докладчика ООН по вопросу о свободе религии или убеждений: окончание визита в Республику Казахстан [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.ohchr.org/ru/statements/2014/04/statement-heiner-bielefeldt-special-rappor-teur-freedom-religion-or-belief-end> (дата обращения: 19.03.2025).
18. Аймухамбетов, Т.Т. Особенности взаимодействия государства и религиозных конфессий в Казахстане: религиоведческий анализ [Текст]: дис. ... д-ра философии (PhD): 6D020600 - Религиоведение / Т.Т. Аймухамбетов/ Каз. нац. ун-т им. аль-Фараби... – Алматы, 2023. – 156с.

19. Итоги Национальной переписи населения 2021 года [Электронный ресурс]. – URL: <https://stat.gov.kz/ru/national/2021/> (дата обращения: 19.03.2025)
20. Выступление Главы государства Касым-Жомарта Токаева на четвертом заседании Национального курултая [Электронный ресурс]. – URL: <https://akorda.kz/ru/vystuplenie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-na-chetvertom-zasedanii-nacionalnogo-kurultaya-4> 2359 (дата обращения: 19.03.2025).
21. Бурова, Е.Е. Религиозная ситуация в современном Казахстане (опыт социологической реконструкции) / Е.Е. Бурова, Ш.Е. Джаманбалаева // Социологические исследования. – 2023. – №8. – С. 77-84. – DOI: 10.31857/S013216250027368-7.
22. Аналитический отчет по результатам социологического мониторинга «Оценка государственной политики в религиозной сфере населением Казахстана» (4 квартал) [Электронный ресурс]. – Астана, 2023. – URL: https://www.gov.kz/uploads/2024/3/6/11760ba37b81426bed504f0edcf3da6d_original.3558965.pdf (дата обращения: 19.03.2025).
23. Стратегическое партнёрство и свобода вероисповедания / Казахстанское международное бюро по правам человека и соблюдению законности. – Астана, 2020. – Опубликовано 2 марта. – URL: https://bureau.kz/publication/sobstvennaya_informaciya/strategicheskoe_partnerstvo_i_svoboda_veroispovedaniya/ (дата обращения: 04.05.2025). – Текст: электронный.
24. Kusack, W. In Search of a Welcoming Environment for Religions in the New Kazakhstan / Wade 24.Kusack // The Review of Faith & International Affairs. – 2024. – Volume 22, issue 1. – Pages 87-96. – DOI: 10.1080/15570274.2023.2261709.
25. Modood T., Sealy T. The governance of religious diversity: A comparative-normative exercise // Ethnicities. – 2025. – Vol. 25, №5. – P. 762-769. – DOI: 10.1177/14687968251353686.

References:

1. Konstituciya Respubliki Kazakhstan [Elektronnyj resurs]: prinyata na resp. referendumе 30 avg. 1995 g.: (s izm. i dop. po sost. na 23.03.2019). – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000> (data obrashcheniya: 19.03.2025).
2. O religioznoj deyatel'nosti i religioznyh ob»edineniyah [Elektronnyj resurs]: Zakon Respubliki Kazakhstan ot 11 okt. 2011 goda №483-IV. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1100000483> (data obrashcheniya: 19.03.2025).
3. O protivodejstvii ekstremizmu [Elektronnyj resurs]: Zakon Respubliki Kazakhstan ot 18 fevr. 2005 g. – URL: https://kodeksy-kz.com/ka/o_protivodejstvii_ekstre_mizmu.htm (data obrashcheniya: 19.03.2025).
4. Ugolovnyj kodeks Respubliki Kazakhstan [Elektronnyj resurs]: Kodeks Respubliki Kazakhstan ot 3 iyulya 2014 goda №226-V ZRK. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> (data obrashcheniya: 19.03.2025).
5. Ob administrativnyh pravonarusheniyah [Elektronnyj resurs]: Kodeks Respubliki Kazakhstan ot 5 iyulya 2014 goda №235-V ZRK. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000235> (data obrashcheniya: 19.03.2025).
6. O nacional'noj bezopasnosti Respubliki Kazakhstan [Elektronnyj resurs]: Zakon Respubliki Kazakhstan ot 6 yanv. 2012 goda №527-IV. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1200000527/z1200527.htm> (data obrashcheniya: 19.03.2025).
7. O mass-media: Zakon Resp. Kazakhstan ot 19 iyunya 2024 g. №93-VIII ZRK [Elektronnyj resurs] // Adilet. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2400000093> (data obrashcheniya: 20.05.2025).
8. Vseobshchaya deklaraciya prav cheloveka [Elektronnyj resurs]: prinyata rezolyuciej 217 A (III) General'noj Assamblei OON ot 10 dek. 1948 g. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (data obrashcheniya: 19.03.2025).
9. Mezhdunarodnyj pakt o grazhdanskih i politicheskikh pravah [Elektronnyj resurs]: prinyat rezolyuciej 2200 A (XXI) General'noj Assamblei OON ot 16 dek. 1966 g. – URL: <https://www.ohchr.org/ru/instruments-mechanisms/instruments/international-covenant-civil-and-political-rights> (data obrashcheniya: 19.03.2025).

10. *Ob utverzhdenii Kompleksnogo plana po realizacii gosudarstvennoj politiki v religioznoj sfere Respubliki Kazakhstan na 2021-2023 gody [Elektronnyj resurs].* – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2000000953> (data obrashcheniya: 19.03.2025).

11. *Molodezh' Kazakhstana: analiticheskij doklad po rezul'tatam sociologicheskogo issledovaniya / Ministerstvo kul'tury i informacii Respubliki Kazakhstan, Nauchno-issledovatel'skij centr «Molodezh'».* – Astana: [b. i.], 2024. – 104 s. – ISBN 978-601-7857-64-6.

12. Zhevlakov, G.A. *Analiz zakonodatel'stva Respubliki Kazahstan o registracii religioznych ob»edinenij / G.A. ZHevlakov // Praksis.* – 2023. – №4 (13). – S. 84-94. – DOI: 10.31802/PRAxis.2023.13.4.007..

13. *Amnesty International. Kazakhstan: Fundamental Freedoms Under Pressure [Electronic resource]/Amnesty International.* – 2019. – EUR 57/0502/2019. – URL: <https://www.amnesty.org/en/documents/eur57/0502/2019/en/> (access date: 19.03.2025).

14. *Freedom on the Net 2024 [Electronic resource].* – URL: <https://freedomhouse.org/country/kazakhstan/freedom-net/2024> (access date: 19.03.2025).

15. *Byuro po demokraticeskim institutam i pravam cheloveka OBSE. Analiz popravok, predlozhennyh k Zakonu Respubliki Kazakhstan «O svobode veroispovedaniya i religioznych ob»edineniyah» [Elektronnyj resurs]/Byuro po demokraticeskim institutam i pravam cheloveka OBSE.* – Varshava, Pol'sha, 2021. – URL: www.osce.org/odihr/docs/i4_index.htm (data obrashcheniya: 19.03.2025).

16. *Kazakhstan: Mezhdunarodnyj doklad o svobode veroispovedaniya za 2022 g. [Elektronnyj resurs].* – URL: <https://kz.usembassy.gov/ru/kazakhstan-2022-international-religious-freedom-report/> (data obrashcheniya: 19.03.2025).

17. *Zayavlenie Hajnera Bilefel'dta Special'nogo dokladchika OON po voprosu o svobode religii ili ubezhdenij: okonchanie vizita v Respubliku Kazakhstan [Elektronnyj resurs].* – URL: <https://www.ohchr.org/ru/statements/2014/04/statement-heiner-bielefeldt-special-rapporteur-freedom-religion-or-belief-end> (data obrashcheniya: 19.03.2025).

18. *Ajmuhambetov, T.T. Osobennosti vzaimodejstviya gosudarstva i religioznych konfessij v Kazakhstane: religiovedcheskij analiz [Tekst]: dis. ... d-ra filosofii (PhD): 6D020600 - Religiovedenie / T.T. Ajmuhambetov/ Kaz. nac. un-t im. al'-Farabi... – Almaty, 2023. - 156s.*

19. *Itogi Nacionalnoj perepisi naseleniya 2021 goda [Elektronnyj resurs].* – URL: <https://stat.gov.kz/ru/national/2021/> (data obrashcheniya: 19.03.2025)

20. *Vystuplenie Glavy gosudarstva Kasym-ZHomarta Tokaeva na chetvertom zasedanii Nacional'nogo kurultaya [Elektronnyj resurs].* – URL: <https://akorda.kz/ru/vystuplenie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-na-chetvertom-zasedanii-nacionaln-ogo-kurultaya-4-2359> (data obrashcheniya: 19.03.2025).

21. *Burova, E.E. Religioznaya situaciya v sovremennom Kazakhstane (opyt sociologicheskoy rekonstrukcii) / E.E. Burova, S.E. Dzhamanbalaeva // Sociologicheskie issledovaniya.* – 2023. – №8. – S. 77-84. – DOI: 10.31857/S013216250027368-7.

22. *Analiticheskij otchet po rezul'tatam sociologicheskogo monitoringa «Ocenka gosudarstvennoj politiki v religioznoj sfere naseleniem Kazakhstana» (4 kvartal) [Elektronnyj resurs].* – Astana, 2023. – URL: https://www.gov.kz/uploads/2024/3/6/11760ba37b81426bed504f0edcf3da6d_original.3558965.pdf (data obrashcheniya: 19.03.2025).

23. *Strategicheskoe partnyorstvo i svoboda veroispovedaniya / Kazakhstanskoe mezhdunarodnoe byuro po pravam cheloveka i soblyudeniyu zakonnosti.* – Astana, 2020. – Opublikovano 2 marta. – URL: https://bureau.kz/publ-all/sobstvennaya_informaciya/strategicheskoe_partnerstvo_i_svboda_veroispovedaniya/ (data obrashcheniya: 04.05.2025). – Tekst: elektronnyj.

24. *Kusack, W. In Search of a Welcoming Environment for Religions in the “New Kazakhstan” / Wade Kusack // The Review of Faith & International Affairs.* – 2024. – Volume 22, issue 1. – Pages 87-96. – DOI: 10.1080/15570274.2023.2261709.

25. *Modood T., Sealy T. The governance of religious diversity: A comparative-normative exercise // Ethnicities.* – 2025. – Vol. 25, №5. – P. 762-769. – DOI: 10.1177/14687968251353686.